

Представления о капитализме в системе знаний советского школьника

Гуркина Н. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; nina-gurkina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В идеологических установках и школьных практиках советской системы образования одним из важнейших понятий стал «капитализм» — идеология, общественно-экономическая формация, «мировой проект», антагонистический социалистическому. В статье рассматривается, как складывались в 20-е и 30-е годы и какое место занимали представления о капитализме в системе знаний советского школьника, в его идейно-политическом воспитании. Исследуется роль этих представлений в формировании мировоззрения довоенного школьника.

Ключевые слова: советская школа, капитализм, социализм, обществоведение, история, география, литература, социалистическое Отечество

Beliefs of Capitalism in the System of Knowledge of the Soviet Pupil

Gurkina N. K.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; nina-gurkina@yandex.ru

ABSTRACT

In ideological installations and school practices of the Soviet education system one of the major concepts was “capitalism” — ideology, a social and economic structure, “the world project”, antagonistic to socialist. In the article is considered as developed in 20th and 30th and what place was taken by ideas of capitalism in the system of knowledge of the Soviet pupils, in their ideological and political education. The role of these representations in formation of outlook of the pre-war pupils is investigated.

Keywords: Soviet school, capitalism, socialism, social science, history, geography, literature, socialist Fatherland

Советская школа прошла в своем развитии несколько этапов. Реформирование школьного образования в стране началось сразу после победы Октября 1917 г. Задачи и пути развития новой школы определялись «Положением о единой трудовой школе» и «Основными принципами единой трудовой школы», принятыми в 1918 г. Советская школа создавалась как единая система совместного, бесплатного, светского общего образования с двумя ступенями. В социалистических преобразованиях школе отводилась особая роль как образовательному институту и инструменту коммунистического воспитания: «Одна из главных задач социалистической революции состояла в формировании нового человека, его духовном и моральном обновлении, изменении его социальной психологии, мировоззрения, в его всестороннем развитии» [16, с. 21]. Картина мира советского школьника должна была создаваться на основе новых социально-политических представлений и ценностей.

Проблемы воспитания в послереволюционной школе рассматривались как в обобщающих трудах, посвященных школе, культурному строительству в стране [2, 5, 11, 12, 14, 16 и др.], так и в специальных исследованиях [5, 9, 12, 20, 21]. Тема школь-

ного воспитания как важнейшего фактора формирования предвоенного поколения неоднократно звучала в работах писателей, ученых, деятелей культуры — бывших фронтовиков [1, 10, 19 и др.¹]. Обсуждение проблемы воспитания в советской школе 20–30-х годов, особенно в юбилейные годы (70 лет Победы и 100 лет Великой революции), перешагнуло за рамки исторических исследований и стало предметом дискуссий в прессе и публицистике². «Идейно-духовное превосходство» советского народа стало одним из факторов победы в Великой Отечественной войне. Какую роль в формировании мировоззрения советского школьника сыграли представления о капитализме — идеологии, общественно-экономической формации, «мировом проекте»? Как складывались эти представления, и какое место занимали в системе знаний учащегося советской школы?

Развитие школьного дела при сложившейся в первые послереволюционные годы единой системе управления (Народный комиссариат просвещения) и единой направленности образования до начала 30-х годов отличалось противоречивостью. Школа стала ареной реорганизаций и экспериментов. Отрицались или подвергались сомнению значимость классно-урочной системы, учебника, домашнего задания, оценки знаний и т. п. Предпринимались попытки внедрения нововведений западной педагогики (Дальтон-план и метод проектов), бригадно-лабораторной системы. Дискуссии и практическая деятельность по воплощению достаточно спорных новаций касались не только структуры и организации образования, форм и методов обучения, но и содержания образования.

В первые послереволюционные годы еще действовала традиционная предметная система, в которой наряду с новыми предметами идеологической направленности — история революционного движения, политическая экономия, история социализма, появились также история Запада и России, история культуры, искусство. Обучение чаще всего велось по старым дореволюционным учебникам (хотя с 1919 г. после издания соответствующего распоряжения некоторые учебники стали изымать как «несовместимые с духом советской школы») [12, с. 22].

С 1923 г. в практику школы стали внедряться так называемые «комплексные программы», подготовленные Научно-педагогической секцией Государственного ученого совета Народного Комиссариата просвещения. Содержание учебного предмета в программах концентрировалось вокруг трех тем: природа и человек, труд, общество. В школах второй ступени предметная система сохранялась, но учебный материал также стремились объединить вокруг общих комплексных тем. Идеологическим основанием новых программ были признаны мировоззренческие идеи и понятия марксизма, его интерпретации в практиках новой власти. «Задача школы в том, чтобы каждый прошедший школу не только понимал задачи нашей советской современности, но приобщился к общему сознанию целеустремленности нашего общественного развития» — провозглашалось в «Схеме ГУСа» для первой ступени школы [4, с. 31].

Значительные изменения были внесены в преподавание гуманитарных дисциплин, традиционно являвшихся основой формирования мировоззрения и соответствующей картины мира. История с появлением новых программ перестала существовать как отдельный предмет и вошла составной частью в обществоведение, которое включило также элементы политэкономии, экономической географии, экономической политики, советского права, истории социализма и пр. В качестве отдельно-

¹ См. также: *Лобанов М.* Память войны // Литературная газета. 2016. № 23–24.

² *Проханов А., Деягин М., Ивашов Л. и др.* Уроки Второй мировой. Восток и Запад. Как пожать плоды Победы? (Коллекция Изборского клуба). М., 2015; *Бондарь В.* Элита, за которую не стыдно // Культура. 2015. № 41; *Громов С.* Памяти советского десятиклассника. Русский характер // Свой (приложение к газете «Культура»). 2015, май; и др.

го предмета в некоторых школах вводилась политграмма. Одним из теоретиков, определившим методологические подходы к преподаванию обществоведения и политграммы, и в целом к комплексным программам, был М. Н. Покровский. «От явлений природы легче всего перейти к сельскому хозяйству, а затем к возникновению капитала, эксплуатации и образованию промышленного капитала, крупному производству, бирже, финансовому капиталу и империализму... от сельского хозяйства... легко перейти к понятию социализма...». Переход от материального базиса к настройке через разоблачение религии и утверждение материалистического мировоззрения, «невыгодного эксплуататорским классам», «свяжет всю схему с пролетарской революцией, которая должна быть центром всей общественной части программы» — таким представлялось автору содержание дисциплины и последовательность его подачи в комплексах [4, с. 33].

Развитие общественных сил в России и других важнейших странах, борьба рабочего класса с капитализмом, происхождение и критика капитализма, классовая борьба в России как пролог Октябрьской революции стали важными доминантами в формировании комплексных тем. Представления о капитализме и социализме стали в программах базисными понятиями, своего рода матрицами общественно-политических и исторических знаний. «Смысл преподавания истории ...главным образом в том, чтобы воспитать классовое сознание, классовое отношение к тем или иным явлениям...страсть борьбы против эксплуататоров и страсть революционного энтузиазма в строительстве нового, — писал еще один теоретик «комплексов» [4, с. 32].

Темы «Октябрьская революция» и «Первое мая — международный праздник трудящихся» повторялись в школе первой ступени каждый год. Для четвертого года обучения в группу комплексных тем входили «География России и других стран», «Государственное хозяйство РСФСР и других стран». «Государственный строй России и других стран». В старших классах изучали темы «Обмен между городом и деревней», «Мировое хозяйство», «Империализм и борьба рабочего класса», «Советский строй как переходный от капитализма к коммунизму» [12, с. 122; 14, с. 73]. В программе 1925 г. приоритетной была тема «торгового капитала» (его зарождение, революции, государство и культура эпохи торгового капитала) и т. п.

Программы постоянно перерабатывались и совершенствовались, для каждого типа школ составлялись собственные программы. В первых по существу государственных программах 1927 г. видим уже другое наполнение обществоведения для школ 2-й ступени: история Запада, история России, политическая экономия и современность [14, с. 77]. В ШКМ (школах крестьянской молодежи) изучали по обществоведению «Мировое хозяйство», «СССР и капиталистический мир», «Социалистическая революция», «Наши очередные задачи». Главной задачей программ было «помочь учащимся понять основной факт современности — всемирную борьбу пролетариата против капитализма» [14, с. 76, 148; 4, с. 32 и др.].

К концу 20-х годов история начала приобретать самостоятельное значение, хотя и преподавалась по-прежнему в курсе обществоведения. В программах ФЗС (фабрично-заводской семилетки) 1930 г. с 5-го по 7-й год обучения изучались кроме «Современности» с изложением планов и хода выполнения пятилетки, реконструкции народного хозяйства, индустриализации, коллективизации и культурной революции темы «Капитализм и социализм» и «История классовой борьбы»¹. В программах этих тем содержались не только характеристика эволюции и основных черт капитализма и социализма, но и изложение мировой истории начиная с первобытно-общинного строя, где особое внимание уделялось важнейшим яв-

¹ Программы Фабрично-заводской семилетки. М.-Л., 1930. С. 41–42.

лениям: сменам общественно-экономического уклада. войнам, революциям, этапам и событиям освободительного движения — таким, как крестьянская война в Германии, Великая Французская революция, революция 1848 г., Парижская коммуна и др. При этом внедрение в это же время метода комплексов-проектов приводило к поверхностности и бессистемности знаний. Знания об обществе учащиеся должны были усвоить в процессе «борьбы за коллективизацию», «за промфинплан» и т. д.

Разногласия программ дополнялись многообразием учебников. Только по обществоведению в это время в школах имели хождение около 40 учебных пособий, среди которых — «Очерки обществоведения» и «Политграмота» (разных авторов), «Фазы общественного развития» Трахтенберга, «История классовой борьбы» Коваленского, «История труда» Тюменева, «Русская история в самом сжатом виде» Покровского [3; 14, с. 149]¹, «История промышленного капитализма» Ефимова и Фрейберга и др.

Преподавание литературы в 20-е годы, так же как и истории, часто превращалось в иллюстрацию, дополнение к обществоведению (были предложения и вообще отменить предмет словесности). Вот фрагмент из программы по литературе 1925/26 учебного года: 5-й год обучения. Второй комплекс. «1905 год». Тема по литературе: «Отражение в литературе революционного движения крестьян». Скиталец — «Полевой суд», Серафимович — «На Пресне» и др.; 6-й год обучения. Комплекс «Обмен между городом и деревней». Тема по литературе: «Город капиталистической эры» Золя — «Счастье дам». Летонье — «Дешевый базар», Келлерман — «Туннель» [14, с. 138].

История литературы была включена в учебный план 8-го и 9-го классов, но предполагались и отбирались художественные произведения в соответствии их принадлежности к литературному стилю, в основе которого — «определенная классовая психология». Шекспир (Гамлет) и Сервантес (Дон Кихот) изучались как представители «литературного стиля эпохи нарастания торгового капитализма», Мольер (Мещанин во дворянстве), Бомарше (Свадьба Фигаро) и Шиллер (Разбойники) принадлежали к «буржуазной литературе эпохи нарастания торгово-промышленного капитализма на Западе». К литературному стилю «русской аристократии эпохи нарастания торгово-промышленного капитала» относили Грибоедова, Пушкина и Лермонтова, к литературе мелкой буржуазии — Достоевского и Чехова и т. д. [14, с. 79].

Известный исследователь школы 20-х годов Е. М. Балашов приводит в качестве иллюстрации восприятия школьниками новых подходов и методов преподавания литературы выдержки из дневника четырнадцатилетней дочери московского писателя Л. Григорова Анны. В декабре 1925 г. в классе разбирали рассказ Джека Лондона «Забастовал», в котором речь шла о подростке Джонни, потерявшем все силы, работая на заводе, бросившем завод и семью и идущем «куда глаза глядят». Рассказ был прочитан и детально проработан в классе, затем дома и наконец школьники получили задание написать дома изложение по рассказу. «Четвертый раз говорить об этом несчастном Джонни, — пишет Анна, — о тяжелом положении рабочего класса в капиталистических странах! Сколько уже было сочинений на тему — рабочий класс и буржуазия, в которых неизменными действующими лицами были изможденный, замученный работой и бесправием рабочий и жирный жадный капитал (вроде паука)... О чем писать? Нового ничего не придумаешь» [4, с. 36].

В программе ФЗС 1930 г. подчеркивалось, что литература — не только «одно из средств классового пролетарского воспитания», «преимущественная роль» которой — «служить фактором, организующим коммунистическое сознание учащихся, направляющим их эмоции в сторону боевых политических задач современности», но и «объект изучения», имеющая «познавательную ценность». Тем не менее «гру-

¹ См. также: История в источниках. Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время. М.-Л., 1929.

бое социологизаторство» продолжало оставаться основой при составлении программ и подборе материала. В итоговом обзоре в старших классах (программы ФЗС) изучалась литература «дворянской среды эпохи разложения» (Пушкин, Гоголь, Тургенев и Толстой), литература буржуазии (Гончаров и Островский), «революционных разночинцев» и революционно-демократической интеллигенции. Чехов в этой программе был уже не представителем мелкой буржуазии, а писателем либерально-демократической интеллигенции¹.

Значительно содержательнее в программе ФЗС 1930 г. стала география. В разделе «мировое хозяйство» рассматривались три сектора: социалистический, капиталистический и докапиталистический, проводился обзор важнейших стран мира: Северо-Американских Соединенных Штатов, Британской империи, Франции, Германии, Италии, Японии, Китая, Индии, а также стран Африки, стран — соседей СССР. В программе предполагалось рассмотреть причины и уровень развития капитализма в разных странах (первенство в капиталистическом мире, родина промышленного капитала, передовая капиталистическая страна и т. д.), противоречий между странами, особенностей политического строя и положения трудящихся².

Результаты экспериментов и новаций в школе часто оказывались плачевными. «Не знали истории совсем — ни древней, ни средней, ни новой, ни даже истории СССР», — констатирует исследователь школы 20-х годов и, приводя примеры ответов на вопросы (в ряде школ использовался «так называемый вопросно-ответный метод в самом упрощенном виде»), отмечает в знаниях «догматизм», «упрощенчество», а иногда и «грубое извращение важнейших фактов и событий» [14, с. 150], в итоге — снижение образовательного и воспитательного значения гуманитарных учебных дисциплин. Комплексы требовали также активных методов изучения тем. «Создаются планы, совершаются экскурсии, делаются сводки, обсуждаются коллективные проработки материала, ведутся дневники, записи, изготавливаются диаграммы, производится моделирование, стряпаются выставки...рисовали, пели, лепили, но читать и писать не научились», — писал один из учителей в журнал «Народный учитель» в 1926 г. [14, с. 65].

Борьба по поводу содержания и методов преподавания гуманитарных предметов шла все 20-е годы, что нашло отражение в дискуссиях на страницах педагогической печати, на учительских конференциях (в 1928 г. прошли всероссийские конференции обществоведов и преподавателей русского языка и литературы). На деле история в 20-е годы во многих школах продолжала преподаваться («с небольшим «обществоведческим придатком»), «поскольку большинство педагогов-обществоведов не справлялись с поставленной перед ними задачей», кроме того, критиковать комплексные программы. «не обеспечивающие прочных знаний и навыков», стали не только учителя, но и родители. Известны также случаи, когда руководители народного образования на местах оставляли предметное преподавание в школах своей властью [4, с. 34; 12, с. 128–130].

Преемственность в преподавании сохранялась во многом благодаря рядовому учителю, которое поддерживалось проверенных временем и дававших очевидные положительные результаты форм и методов работы. Политико-идеологическое содержание дисциплин (в умеренных формах) при этом не вызывало отторжения даже у учителей с дореволюционным стажем, так как основная масса педагогической интеллигенции сознательно перешла на сторону советской власти, поддерживая прежде всего образовательную политику государства, открывшую двери учебных заведений для всех слоев населения и являвшуюся частью широкой культурной революции в стране [9, с. 162].

¹ Программы Фабрично-заводской семилетки. М.-Л., 1930. С. 87, 99–100.

² Там же. С. 81–86.

Проводившиеся в 20-е — начале 30-х годов социологические и педологические исследования (изучались представления детей о прошлом страны и современных реалиях, профессиональные и социально-политические идеалы и т. п.) показали определенную хаотичность и некоторую противоречивость во взглядах и ценностных ориентациях школьников. Образ дореволюционного прошлого, старого политического строя («правление царя, помещиков и фабрикантов», «эксплуатация трудящихся») приобретал все более негативный оттенок. С осуждением относились также к буржуазному миру («миру капитализма») за рубежом. При этом опрос 1924 г. среди детей 8–13 лет показал, что 57% детей хотели бы быть богатыми (36% ответили отрицательно, с моральным осуждением богатства выступили только 10% [4, с. 135–138, 157]. Налицо, по моему мнению, влияние реальной действительности — НЭПа.

Исследователи отмечали также «отставание политического воспитания учащихся от тех задач, которые были поставлены перед школой» («политически безграмотных», усвоивших социалистические идеи только на уровне знаков и символов среди учащихся было также достаточно), объясняя этот факт прежде всего падением интеллектуального уровня детей после пережитых ими социальных потрясений [4, с. 172]. Правда, эти потрясения рождали иногда и тип «стихийного социалиста». Такими были, в частности, страстно стремившиеся в комсомол бывшие правонарушители — воспитанники школы и колонии из самых известных художественно-документальных произведений 20-х годов «Республика ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева и «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко. Первые вопросы «шкидовцев» пришедшему по их просьбам в школу преподавателю политграмоты были об империализме и Конституции РСФСР.

Повсеместная антикапиталистическая пропаганда и «классовое воспитание», тем не менее, делали свое дело. Учащиеся знали о причинах революции, свергнувшей «несправедливый строй» (о конкретных событиях представление было часто смутное), о строительстве нового общества, где «все люди равны», «всеобщее равенство и братство», «8-часовой рабочий день» и т. д. (большинство оценивало новый государственный и общественный строй положительно). В качестве образца для подражания в эти годы на первое место вышел В. И. Ленин, так как он «боролся за рабочих», «защищал рабочих и крестьян», «его идея коммунизма одна из лучших, могущих дать хорошую жизнь» [4, с. 173, 174, 176].

В 30-е годы в развитии школы произошли крупные и принципиальные изменения. В 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б), ВЦИК и СНК «О всеобщем обязательном начальном обучении». С 1932 г. стала быстро увеличиваться сеть семилетних и средних школ. Во всех общеобразовательных школах число учащихся увеличилось с 7,3 млн в 1922/23 учебном году до 38 млн в 1940/41 учебном году, т. е. почти в 5 раз. При этом число учащихся в 5–7-х классах за этот период выросло в 18 раз, 9–10-х классов — в 17 раз¹. Советская школа стала массовой, понятие «советский школьник» получило реальное наполнение.

Специальными постановлениями СНК и ЦК ВКП(б) определялась единая структура общеобразовательной школы (4, 7 и 10-х классов), возвращалась классно-урочная система, расписание занятий, единые сроки начала и конца учебного года, проверочные испытания и оценки. Складывалась устойчивая школьная система с преемственными ступенями и опорой на достижения и традиции дореволюционной школы и на опыт лучших учебных заведений советского периода.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. было осуждено «легкомысленное методическое прожектерство, насаждение в массовом масштабе методов, предварительно на практике не проверенных» и предложено «организовать научно-

¹ Проханов А., Делягин М., Ивашов Л. и др. Уроки Второй мировой. Восток и Запад. С. 96.

марксистскую проработку программ, обеспечив в них точно очерченный круг систематизированных знаний», ибо «коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество (Ленин)»¹. В соответствии со специальными партийными постановлениями были переработаны школьные программы, созданы новые стабильные учебники, сочетавшие научность и простоту изложения. В специальном постановлении ЦК ВКП(б) предлагалось «усилить элементы историзма в программах по обществоведению, языку и литературе», в программах по географии — «в надлежащем объеме знания по географии капиталистических стран»².

В мае 1934 г. было принято постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором предлагалось вместо «абстрактных определений общественно-экономических формаций» перейти к «историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, исторических дат» в «доступной, наглядной и конкретной форме, без чего не может быть «марксистского понимания истории»³. Ставилась задача подготовки учебников по истории древнего мира, средних веков, новой истории, истории СССР, новой истории зависимых и колониальных стран. Этим же постановлением восстанавливались исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах.

Принятое в этот же день постановление «О преподавании географии в начальной и средней школе» выстраивало стройную систему географических знаний, включающую (дополнительно) экономическую географию капиталистических стран. Преподавание предмета начиналось теперь с 3-го класса, количество учебных часов было увеличено⁴.

Незадолго до указанных постановлений в апреле 1934 г. был принят еще один документ с красноречивым названием «О перегрузке школьников и пионеров общественно-политическими знаниями», в котором говорилось о недопустимости перегрузок детей «проработкой» решений съезда, вопросов марксистско-ленинской теории и политики партии. Наиболее яркие общественные события предлагалось рассматривать с учетом возраста детей «в живой, образной и занимательной форме»⁵.

В августе 1934 г. были опубликованы «Замечания» тт. Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов учебников «Истории СССР» и «Новой истории». В замечаниях по поводу учебника истории СССР указывалось: «Нам нужен такой учебник истории СССР, ...где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и мировой». В конспекте, по мнению руководителей партии, не были отражены роль и влияние западноевропейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазно-революционного и пролетарско-социалистического движений в России. Не учтены были также «корни первой империалистической войны и роль царизма в этой войне как резерва для западноевропейских империалистических держав, равно как не учтена зависимая роль как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западноевропейского, ввиду чего значение Октябрьской революции, как освободительницы России от ее полуколониального положения, остается немотивированным». Значение «Советов с точки зрения мировой истории как носителей пролетарской демократии и органов освобождения рабочих

¹ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. документов за 1917–1947 гг. М.-Л. 1947. Вып. 1. С. 152–153.

² Там же. С. 161–162.

³ Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании: сб. документов за 1917–1947 гг. М.-Л. 1947. Вып. 1. С. 170–171.

⁴ Там же. С. 172–173.

⁵ Там же. С. 170–171.

и крестьян от капитализма» не показано убедительно ввиду того, что авторы не учли «наличие общеевропейского политического кризиса, выразившегося в упадке буржуазной демократии и парламентаризма»¹.

В замечаниях к учебнику новой истории авторы предложили в основу деления истории на части положить этапы развития капитализма. Первая часть: с французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской коммуны — это «период победы и утверждения капитализма». Вторая часть: до победы Октябрьской революции и окончания империалистической войны — «период начавшегося упадка капитализма», перерастания «свободного» капитализма в империализм, и свержения его в результате Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества. Третья часть — «период послевоенного империализма в капиталистических странах, экономического и политического кризиса, период фашизма и усиления борьбы за колонии и сферы влияния». В СССР — это период гражданской войны и интервенции и период строительства социализма². Авторам учебника предложили продлить историю до 1934 г. (была закончена 1923 г.) и уделить больше внимания колониальному вопросу и такому государству, как Китай.

В 1934–1937 гг. прошел конкурс на составление лучшего учебника по истории СССР. Среди 46 учебников, представленных правительственной комиссией, лучшим был признан краткий курс «Истории СССР» для 3–4-го класса, подготовленный историками Московского государственного педагогического института во главе с А. В. Шестаковым (получил вторую премию). Учебник был доработан с участием опытных историков старой школы (С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин и др.), выдержал на русском языке 25 изданий общим тиражом 7 млн экземпляров [6, с. 142].

В постановлении жюри правительственной комиссии к представленным учебникам было 12 замечаний. Последнее (из 5 подпунктов) касалось досоветской истории, в частности, в учебниках отмечались неправильные исторические оценки Богдана Хмельницкого и Александра Невского. Все остальные замечания относились к трактовке современной истории. Отмечалось, что «зависимость России от западного капитала» и ее отсталость от других капиталистических стран не проиллюстрированы на конкретно-исторических примерах. Авторы часто забывали о своеобразии дореволюционного развития России, где власть принадлежала помещикам и капиталистам. Противостояние в революции шло прежде всего между помещиками и крестьянами, а не только рабочими и капиталистами. Подобная «забывчивость» искажала взгляд на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, в которой рабочий класс был вождем всего трудящегося народа. В изложении авторов учебников сужалось также значение гражданской войны «до чисто русского события», так как не было показано должным образом влияние интервенции и роль Антанты и германского империализма в событиях гражданской войны, когда удалось спасти страну от порабощения империалистическими государствами, обеспечить государственную независимость, отстоять свою землю («Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький», Ленин). Не должным образом была показана также «перестройка общественного строя» страны в первые послереволюционные годы, в частности, ликвидация частной собственности на фабрики, заводы, банки и т. п., национализация земли и передача ее крестьянам, построение новой государственной машины на основе Советов³.

В учебнике Шестакова, хоть и не совершенном, но лишенном крупных и принципиальных недостатков, разделу «Капитализм в России» предшествовали параграфы, посвященные Французской революции и революции 1848 г., Первому ин-

¹ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. С. 185–186.

² Там же. С. 186–188.

³ Там же. С. 197–199.

тернационалу, Марксу и Энгельсу, Парижской коммуне. В отдельных параграфах рассказывалось о реалиях жизни крестьян после отмены крепостного права, о рабочем движении в России. «Первая буржуазная революция», «Вторая буржуазная революция», «Великая Октябрьская социалистическая революция», военная интервенция и гражданская война рассматривались в отдельных больших разделах. Акценты там были (с точки зрения комиссии) расставлены правильно. Первую мировую войну готовили и вели крупные капиталистические государства, соперничавшие между собой, и носила она «грабительский характер». Октябрьская революция победила в результате сложившегося союза рабочих и крестьян в ходе борьбы против буржуазного правительства Керенского, не давшего трудящимся ни мира, ни земли, ни рабочего контроля над фабриками и заводами. Военная интервенция была направлена против советской власти и советского строя (в учебнике Шестакова были заголовки «Колчак — ставленник Антанты», «Деникин и Юденич — ставленники Антанты»). Завершался учебник разделом «СССР — страна победившего социализма», в которой освещались достижения и успехи индустриализации, социальной политики и культурной революции. В разделе присутствовал также параграф «Наши враги и наши друзья за пределами СССР», где рассказывалось о борьбе страны за мир и о нарастании фашистской угрозы¹.

Учебник Шестакова, несмотря на его особенности (простою, иногда поверхностность в изложении и т. п.), связанные с его обращенностью к детям младшего школьного возраста, стал основой для написания новых учебников по истории. Методологические и фактологические основы для освещения современного этапа капитализма (экономический кризис, приход к власти в Германии партии фашистов — выражающей интересы наиболее реакционной части империалистической буржуазии, появление «новых узлов войны» в Китае, Испании — «начало второй империалистической войны» и т. д.) были даны в соответствующих разделах появившегося в 1938 г. краткого курса «Истории ВКП(б)»². Ушедшее из школьных программ обществоведение нашло замену в форме обязательных политинформаций в школе, комсомольской политучебы. Изучались в эти годы уже не столько прошлое, сколько современные события, прежде всего международное положение. О событиях в Абиссинии, Манчжурии, Китае, войне в Испании и т. д. сообщали школьникам «Пионерская правда» и «Комсомольская правда», детские журналы «Костер», «Пионер» и др.

Преподавание истории в школе стало одним из главных факторов формирования исторического сознания предвоенных школьников и представления о капитализме как одной из форм социально-экономического развития человечества, как антиподе социализма, занимали в нем важное место. «Значительную часть нашего образования, — писал известный ученый, школьник довоенной поры А. А. Зиновьев, — составляло изучение революционных идей и событий прошлого, вольнодумства, протестов против несправедливости, бунтов, восстаний, борьбы против мракобесия и т. д., короче говоря, всего того, что было проявлением восстания против существующего порядка вещей. Героями нашей юности становились люди вроде Спартака, Кромвеля, Робеспьера, Марата, Пугачева, Разина, декабристов, народников и, само собой разумеется, большевиков. Вся история человечества во всех ее аспектах преподносилась нам как борьба лучших представителей рода человеческого против неравенства, эксплуатации, несправедливости и прочих язв классового общества, как борьба их за претворение в жизнь самых светлых и благородных идеалов» [10, с. 40].

¹ История СССР. Краткий курс : учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. проф. А. В. Шестакова. М., 1938.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. 1943. С. 287–289, 316–319.

Тексты новых учебников по истории в отличие от советских учебников 20-х годов представляли «своеобразный сплав двух главных идей» — неизбежности и благотворности победы социализма в России и «возвеличивания старой государственности» [6, с. 141]. Краеугольный камень в основание нового идеологического курса заложили слова И. В. Сталина в выступлении на всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в 1931 г.: «Теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость» [6, с. 75]. Идею мировой революции окончательно сменила теория построения социализма в одной отдельно взятой стране. Идеологический и культурно-исторический поворот в стране, ставший важнейшим средством «духовной мобилизации народа» накануне войны, осуществлялся по многим направлениям теоретической и практической деятельности с использованием всех средств науки, литературы и искусства [8]. От школы он потребовал перехода на новый «историко-культурный стандарт»

Тема патриотизма, тема любви к Родине, ее истории и культуре стали ключевыми в учебнике Шестакова. Имена государственных деятелей, исторических героев, писателей, художников дореволюционной России дополнялись именами деятелей революции, гражданской войны, советских ученых, писателей, летчиков, полярников. В сознании школьников складывалась особая форма патриотизма, сочетавшая гордость за достижения тысячелетней исторической России и сопричастность к первой в мире социалистической стране, где «все народы трудятся на общую пользу», где «нет паразитов — капиталистов и помещиков»¹. Сформированная в учебнике государственно-патриотическая концепция отечественной истории, «идея преемственности лучших традиций предков новыми поколениями соотечественников» стали ориентиром для учебников для средней и высшей школы и для системы политического просвещения².

Эта идея нашла воплощение и в курсе литературы. Предмет литературы в 30-е годы значительно обогатился именами и сюжетами. Из курса литературы устранялись «социологизм» и схематизм, «левацкие вульгаризаторские оценки великих писателей», все больше уделялось внимания художественным достоинствам литературы [18, с. 42]. В 30-е годы утверждается программа школьного литературного образования, которая в общих чертах просуществовала до 1991 г. (на изучение русского языка и литературы отводилось в 1940/41 учебном году 20% учебного времени)³.

Основу курса литературы по-прежнему составляла классика. Формационный подход при классификации художественных произведений сохранялся (не во всех учебниках), естественно, что в курсе «русской литературы эпохи империализма» обязательной была критика капитализма. «Критика капиталистических отношений», «критическое отношение к буржуазным порядкам», «образ капиталиста», «проблемы борьбы рабочих с эксплуататорами-предпринимателями», «продажность, царящая в буржуазном обществе» — все эти обобщения в учебниках литературы формировались на материале конкретных художественных произведений. Сравнительный анализ произведений различных авторов должен был продемонстрировать пути выхода из «порочного» строя: «Если у Горького трактовка темы капитализма проникнута историзмом и показаны судьбы капитализма... образы Горького — результат глубокого социального проникновения и диалектического понимания жизни..., то у Куприна капиталистический мир дается как нечто готовое и застывшее, социальная коллизия выглядит статично, лишь

¹ История СССР. Краткий курс : учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. проф. А. В. Шестакова. М., 1938. С. 3.

² *Фортунова Е. Я.* Книга для чтения. Первый год обучения. М., 1934; Хрестоматия по истории СССР : пособие для учителей средней школы. М., 1941; Хрестоматия по новой истории. 1789–1870. Библиотека учителя. М., 1941 и др.

³ *Яковлева А.* Зачем нам нужен этот Ванька? // Литературная газета. 2016, 23–29 ноября.

как некоторое противостояние классов» [15, с. 50, 52]. Впрочем, многие классические произведения, такие, в частности, как рассказы Чехова «Ванька Жуков» и «Спать хочется» не требовали особых комментариев.

В 20-е и 30-е были созданы значительные произведения уже советской литературы с соответствующей тематикой. Многие были включены в школьный курс литературы, другие становились доступны школьникам благодаря высоким тиражам и постоянно расширяющейся библиотечной сети. Среди них — произведения А. Н. Толстого, Серафимовича, Фурманова, Шолохова, Фадеева, Каверина, Катаева и других советских писателей. Одним из любимых поэтов советского школьника был В. В. Маяковский, символом многих произведений которого стали слова: «Социализм — цель, капитализм — враг». Книга Николая Островского «Как закалялась сталь» стала «своего рода учебником коммунистического воспитания молодежи» [10, с. 45]. Книги, посвященные освободительному движению, революции, гражданской войне, свершениям пятилеток осуществляли для молодого поколения историческую связь времен, иллюстрировали идею преемственности, давали нравственные образцы для подражания.

Особое место в предвоенной литературе для детей и юношества занимали книги А. П. Гайдара (повесть «Военная тайна» издавалась 8 раз). «Как и Маяковский, он каждой строкой поднимал своего читателя, звал не к маленькому, комнатному, своему собственному счастью, но к счастью большому, всенародному, которое строится в нашей стране, звал и учил бороться за это счастье», — писала в своих воспоминаниях Л. Т. Космодемьянская [13, с. 74].

Представления о капитализме у поколения школьников 30-х годов формировались как на основе фундаментальных систематических знаний, которые давали уроки истории, географии и литературы, так и на основе тех эмоциональных впечатлений и образов, которые давала как литература, так и в целом детская и юношеская книга. Свою роль в развитии и углублении этих представлений играли, конечно, и идеологическое воспитание в рамках общественных организаций и изменяющаяся ежедневно действительность. «Мысли и чувства активной части молодежи того времени определялись, с одной стороны, нарастающей опасностью фашистского нападения, с другой — бурным развитием страны, превращающейся из отсталой и темной в одно из могущественных государств мира», — писала в воспоминаниях И. В. Ракобольская, начальник штаба женского полка ночных бомбардировщиков (после войны — доктор физико-математических наук, заслуженный деятель науки РФ) [19, с. 9].

Первое полностью грамотное поколение выросло идейно убежденным, уверенным в правоте и нравственном превосходстве своего социалистического Отечества, готовым к его защите. «Молодогвардейцы, в большинстве своем дети шахтеров, воспитаны советским обществом, им было свойственно ясное, а не стихийное революционное сознание, они были образованными, интеллигентными людьми», — писал А. Фадеев в процессе работы над своей книгой [22, с. 40]. Представления о капитализме как строе антагонистическом социализму, несправедливом, хищническом, мешающем прогрессу человечества, стали основой этих убеждений, важным фактором формирования идентичности советского человека.

«Система идейного воспитания, сложившаяся в стране после революции и достигшая расцвета в тридцатые годы, блестяще выполнила историческую задачу... Я неоднократно говорил и повторяю сейчас: войну 1941–1945 гг. выиграл советский десятиклассник, окончивший школу в 1937–1941 гг. ...общий моральный, психологический и идеологический тон задавали люди моего поколения», — утверждал А. А. Зиновьев [10, с. 42, 126]. По мнению известного философа и политолога А. С. Панарина, Великая Отечественная война «завершила формирование советского человека как культурно-исторического типа, которому удалось соединить

всемирную социальную идею, связанную с протестом против буржуазной эксплуатации, с великой национальной идеей» [17, с. 139].

Литература

1. *Абрамов Ф.* О первом учителе // Светлые люди. СПб., 2007.
2. *Анайкина Л. И.* Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922–1991 гг.). М., 2001.
3. *Багрова Н. А.* Становление школьного исторического образования в Советской России. 1920–1934 гг. Автореф. дис. ... к. и. н. Ростов-на-Дону, 2001.
4. *Балашов Е. М.* Школа в российском обществе: 1917–1927 гг. Становление «нового человека». СПб., 2003.
5. *Борисов Ю. С.* Школьные реформы и подготовка кадров // Духовный потенциал СССР накануне Великой Отечественной войны. М., 1985.
6. *Вдовин А. И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013.
7. *Гаврилов В. А.* Очерк истории нравственного воспитания в советской школе (1917–1930). Кишинев, 1983.
8. *Гуркина Н. К., Исаев А. П.* Культурное наследие России в патриотическом воспитании накануне и в годы Великой Отечественной войны // Управленческое консультирование. 2016, №5. с. 181–191.
9. *Гуркина Н. К.* Образовательная политика российского государства и провинциальная интеллигенция в начале XX века // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2017. Т. 8, вып. 3(30). С. 157–164.
10. *Зиновьев А. А.* На коне, танке и штурмовике. Записки война-философа. М., 2016.
11. *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация. М., 2011.
12. *Константинов Н. А., Медынский Е. Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948
13. *Космодемьянская Л. Т.* Повесть о Зое и Шуре. М., 1984.
14. *Королев Ф. Ф.* Советская школа в период социалистической индустриализации. М., 1959.
15. *Михайловский В. В.* Русская литература XX века. С 90-х годов XIX в. до 1917 г. М., 1939.
16. *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917–1941.* М., 1980.
17. *Панарин А. С.* Народ без элиты. М., 2006.
18. *Потемкин В. П.* Статьи и речи по вопросам народного образования. М.-Л. 1947.
19. *Руднева Е. М.* Пока стучит сердце: сост., авт. стат. и прим. И. В. Ракобольская. М., 2015.
20. *Салова Ю. Г.* Политическое воспитание детей в Советской России в 20-е годы. Ярославль, 2007.
21. *Сомов В. А.* Феномен игры и воспитание поколения победителей в СССР 1930-х годов // Историческая психология и социальная история. 2013. Т. 6. № 1. с. 73–84.
22. *Фадеев А.* Материалы и исследования. М., 1947.

Об авторе:

Гуркина Нина Константиновна, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; nina-gurkina@yandex.ru

References

1. Abramov F. About the first teacher // Light people. SPb., 2007.
2. Anaykina L. I. Party and state policy in the sphere of national education in RSFSR (1922–1991). M., 2001.
3. Bagrova N. A. Formation of school historical education in the Soviet Russia. 1920–1934. Dissertation abstract. Rostov-on-Don, 2001.
4. Balashov E. M. School in the Russian society: 1917–1927. Formation of “the new person”. SPb., 2003.
5. Borisov Yu. S. School reforms and training // Spiritual capacity of the USSR on the eve of the Great Patriotic War. M., 1985.
6. Vdovin A. I. Russians in the XX century. Tragedies and triumphs of the great people. M., 2013.

7. Gavrilov V. A. A sketch of history of moral education at the Soviet school (1917–1930). Chisinau, 1983.
8. Gurkina N. K., Isaev A. P. Cultural heritage of Russia in patriotic education on the eve of and in days of the Great Patriotic War // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016, N 5. P. 181–191.
9. Gurkina N. K. Educational policy of the Russian state and the provincial intellectuals at the beginning of the XX century // Scientific works of NWIM of RANEPА [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]. 2017. V. 8, issue 3(30). P. 157–164.
10. Zinovyev A. A. On a horse, the tank and the attack plane. Soldier philosopher's notes. M., 2016.
11. Kara-Murza S. Soviet civilization. M., 2011.
12. Konstantinov N. A., Medynsky E. N. Sketches on history of the Soviet school of RSFSR in 30 years. M., 1948.
13. Kosmodemyanskaya L. T. The story about Zoya and Shura. M., 1984.
14. Korolev F. F. The Soviet school during socialist industrialization. M., 1959.
15. Mikhaylovsky V. V. Russian literature of the 20th century. From the 90th of the 19th century to 1917. M., 1939.
16. Sketches of history of school and pedagogical thought of the people of the USSR. 1917–1941. M., 1980.
17. Panarin A. S. The people without elite. M., 2006.
18. Potemkin V. P. Articles and speeches concerning national education. M.-L. 1947.
19. Rudneva E. M. So far heart knocks: collection, author of the article and comments I. V. Rakobolskaya. M, 2015.
20. Salova Yu. G. Political education of children in the Soviet Russia in the 20th years. Yaroslavl, 2007.
21. Somov. V. A. Fenomen of a game and education of generation of winners in the USSR of the 1930th years // Historical psychology and social history [Istoricheskaya psikhologiya i sotsial'naya istoriya. 2013. V. 6. N 1. P. 73–84.
22. Fadeev A. Materials and researches. M., 1947.

About the author:

Nina K. Gurkina, Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; nina-gurkina@yandex.ru